
Борис УГЛИЦКИХ

РОССИЙСКИЕ ПЯТНА КИТАЙСКОЙ ИСТОРИИ

(Попытка осмысления «китайского чуда»)

В последнее время мы все чаще в экономических ли, политических ли темах официально-публичных разговоров стали называть китайскую общественную модель развития самой эффективной и наиболее социально ориентированной. Мы не устаем восхищаться (удивляться, поражаться, завидовать) успехам страны, совсем недавно (по историческим меркам), казалось бы, безнадежно отставшей от передовых экономик. Мы не можем взять в толк, почему это классика западной экономической мысли, например, напрочь отрицающая плановое ведение хозяйства (а значит, и самую сущность социалистических основ), так оказалась опрокинута хитрыми и мудрыми китайцами.

...Но, собственно, а что мы знаем об этой удивительной стране?

Не в уникальности ли исторических событий Китая — особенность его пути? Не в удивительности ли менталитета и характера ее лидеров — зародышевое начало «китайского чуда»?

Вот об этом и хотелось бы мне поразмышлять, вчитываясь в биографии китайцев, имена которых до сих пор на слуху современного мирового сообщества.

...Известно, что до начала Первой мировой войны в Китае, озабоченном попытками освободиться от японской зависимости, росло и постепенно набирало силу революционное движение, идейным вдохновителем которого был живший в то время в Японии Сунь Ятсен.

Именно со вступлением в организацию Сунь Ятсена «Тунменхой» в 1906 году и началась карьера политика-революционера Цзян Чжунчжэн, которого впоследствии (в другой интерпретации значения) стали называть более знакомым для нас именем — Чан Кайши.

Властолюбивый лидер Гоминьдана — Чан Кайши

Чан Кайши появился на свет в 1886 году в семействе, имеющем корни, в которых, по свидетельству некоторых его биографов, якобы можно было увидеть мудрых правителей Древнего Китая. После смерти отца семья очень бедствовала, и 15-летний юноша по настоянию матери женился на девушке, которая была старше его на пять лет. В 1906 году юный Чан (Цзян), решив стать военным, переезжает в Японию. По окончании пехотного училища в 1909 году он был направлен на военную службу в качестве кадета в одну из дивизий японской армии.

Борис Алексеевич Углицких родился в 1947 году в Свердловске. Военный пенсионер, инженер-механик, автор 10 книг (исторический очерк, публицистика, проза, поэзия для детей, научная фантастика, юмор). Живет в г. Краснотурьинске.

Как он там служил и каких добился карьерных успехов — про то историкам мало что известно. Только лишь в 1911 году после начала синьхайской революции в Китае Чан Кайши вдруг оказывается в гуще тех событий. Но уже на следующий год, только что назначенный командиром полка, он из-за причастности к попытке убийства (в ходе тайной борьбы за власть) одного из руководителей революционной организации снова оказывается в Японии.

...О том времени, когда Китай раздирался на части властолюбивыми «революционерами» разных мастей и окрасок, написано много исторических монографий. Нет смысла разбираться в хитросплетениях интриг той гражданской войны.

В феврале 1923 года Сунь Ятсен назначает Чан Кайши начальником своего генерального штаба и одновременно членом военного комитета набирающей в стране авторитет партии Гоминьдан.

И вот тут (интересный зигзаг истории) он, наделенный полномочиями спецпредставителя этого самого Гоминьдана, едет в Москву (не поверите) с просьбой об оказании военной помощи. Москва очень внимательно выслушала доводы Чана, но в прямой помощи вежливо отказала. Просто, наверное, выжидала. И лишь спустя три года, когда после смерти Сунь Ятсена властолюбивый Чан становится военным лидером Гоминьдана (а значит, и одним из руководителей Национального правительства), мудрый товарищ Сталин обращает наконец на него самое пристальное внимание. В ходе так называемого Северного похода, предпринятого Чан Кайши с целью объединения страны, не без помощи «советских товарищей» он одерживает верх над двумя основными противниками из трех.

В июле 1928 года в качестве главнокомандующего Национальной революционной армией он успешно завершает Северный поход, а в октябре того же года становится председателем Национального правительства Китайской Республики.

...К этому моменту товарищ Сталин в своем китайском партнере глубоко разочаровывается. Дело в том, что годом раньше — в 1927 году — Чан Кайши, объявив кампанию «за наведение порядка и чистоты в собственном доме», учинил кровавые разборки в Шанхае, в результате которых уничтожил около четырех тысяч членов нарождающейся Коммунистической партии. Для Советского Союза, взявшего с самого начала эту партию под самую заботливую опеку, это была очень хлесткая пощечина.

Удивительно, разве хитрый и опытный политик, каким, безусловно, являлся Чан Кайши, не понимал, что коммунистический СССР его тут же объявит своим злейшим врагом? Разве он не осознавал, что отправленный в Москву на учебу его единственный (законный) сын тут же станет заложником? Может быть, он не побоялся ухудшения отношений с Москвой из-за того, что сблизился с вездесущими во все времена западными (и в первую очередь — американскими) спецслужбами?

А что думала на этот счет сама Москва? Тут было над чем подумать. Положение в южно-восточном соседстве с нашей страной было очень неприятным. Япония, выказывая явную враждебность по отношению к Китаю, недвусмысленно бряцала оружием. В 1931 году она даже предприняла попытку захватить Маньчжурию. И только совместные действия Гоминьдана и КПК, сумевших объединить усилия перед общим врагом, удерживали Японию от более серьезных кровожадных планов.

...И все-таки ружье, висевшее на стене, выстрелило. 7 июля 1937 года началась японо-китайская война. Решением Национального правительства Чан Кайши был назначен генералиссимусом Китайской Республики.

Так вот, исходя из этого, товарищ Сталин до поры до времени постарался быть хотя и заинтересованным, но все же сторонним наблюдателем происходящих на своей восточной границе событий. И только после капитуляции Японии он четко обозначил

позицию СССР, приняв жестко сторону Коммунистической партии в лице ее лидера Мао Цзэдуна. Вот тут-то коммунисты и взяли реванш за постоянные неудачи в гражданской войне. Вытесненный в ходе упорных боев из материкового Китая, но не павший духом генералиссимус перебирается на остров Тайвань, где объявляет себя президентом и верховным главнокомандующим вооруженных сил Китайской Республики (знай, мол, наших!), правда, в пределах все того же острова. И аж до конца 1971 года прошлого века этот Китай был единственным и законным представителем страны в Совете Безопасности ООН.

Умер Чан Кайши в 1975 году.

Скромный воспитанник старшей сестры Ленина

Удивительно, но только с середины 70-х годов оба Китая (что континентальный, что островной) начал вставать с колен. Континентальный Китай, хоть и превратился за послевоенные годы в индустриально развитую страну, обладающую к тому же атомным оружием, во времена правления Мао Цзэдуна (умершего в 1976 году) был заложником авантюрных инициатив «Великого кормчего». А островной, не имея ни сырьевых, ни энергетических, ни аграрных, ни необходимых финансовых ресурсов, выживал в основном за счет внешней помощи.

Но что поражает всех тех, кто знакомится с историей Китая тех лет, так это то, что авторами и активными творцами революционных экономических преобразований (и в континентальном, и в островном Китае) стали люди, какое-то время жившие и учившиеся в СССР (даже друг с другом близко дружившие): один под именем Ивана Сергеевича Дозорова, а другой — Николая Владимировича Елизарова. Но и это еще не все. Дело в том, что Иван Сергеевич (в будущем Дэн Сяопин) был коммунистом, а Николай Владимирович (в будущем Цзян Цзинго) — ярким антикоммунистом. А результат оказался одинаково успешным.

...Итак, начнем с Цзян Цзинго, родного сына генералиссимуса Чан Кайши. Любопытно, что, отправив Цзян в СССР, второго (приемного) сына он посылает в Германию. Впоследствии перед Второй мировой войной Цзян возвращается на родину, а второй сын остается в готовящейся к войне стране, став впоследствии танкистом вермахта.

История пребывания Цзян в нашей стране настолько необычна и загадочна, что, знакомясь с ней, не сразу веришь в ее реальность. Ну, начать хотя бы с того, что, приехав в Москву учиться в Университете трудящихся Востока в 1925 году, 16-летний юноша был взят под так называемую «товарищескую опеку» не кем-нибудь, а сестрой В. И. Ленина — Анной Елизаровой-Ульяновой. Почему — опеку, если все студенты университета имели очень недурные условия бытового обустройства? Почему — сестрой Ленина, если в квалифицированных воспитателях особой нужды не было?

Но надо отдать должное: такую трогательную заботу юный Цзян отблагодарил тем, что быстро научился говорить по-русски и легко усвоил марксистско-ленинскую идеологию. Более того, когда его отец учинил в Китае кровавую разборку с коммунистами, он написал открытое письмо (которое было опубликовано аж в «Правде»): «Я сделал то, что ты говорил мне раньше — я стал революционером! И поэтому я — твой враг... Ты использовал переворот и стал „героем“. Но победа твоя временна и непрочна... Извини, пожалуйста, но мы легко разделаемся с тобой».

И это — родному отцу? Желторотый юнец, который, по существу, ничего не смыслил не только в политике, но и сложностях «взрослых» отношений. И сразу — в главную партийную газету страны.

...А дальше вообще одна странность за другой. Окончив университет (всего за два года!), Цзян поступает в Казанское танковое училище. Потом он неожиданно переводится в Ленинградскую военно-политическую академию, которую оканчивает с отличными оценками. Казалось бы, вот она — военная карьера, сделавшая отца генералиссимусом. Казалось бы, кто, как не он, мог бы существенно помочь специалистам, занимающимся военной помощью коммунистическому Китаю. А молодого офицера направляют туда, где он, по мнению «ответственных товарищей», более необходим — рядовым станочником на московский завод «Динамо» (?!). Что это, как не откровенное издевательство над человеком, который в интересах идеологии изъявил готовность свести счеты даже с родным отцом?.. И посчитав, видимо, издевательство не совсем полновесным, Цзян через год ошарашивают новым назначением — заместителем председателя одного из подмосковных совхозов (с формулировкой «с целью получения трудовой закалки в среде рабочих и крестьян»).

А вскоре дисциплинированного и скромного юношу вообще отправляют из столицы куда подальше, как говорится, с глаз долой. В 1932 году он оказывается в Свердловске на строительстве «Уралмаша» в должности (вот никогда бы не отгадали) заведующего бюро жалоб. Правда, быстро разглядев в Цзян задатки активного партийца (он был уже кандидатом в члены партии), его назначают вначале помощником начальника механического цеха, а затем редактором заводской многотиражки «За тяжелое машиностроение».

Ну, просто диву даешься логике тогдашних партийных товарищей, курирующих вопросы кадров. Ну, хорошо — по-русски Цзян говорил чисто, с едва заметным акцентом, наверное, был достаточно грамотен, а в обществе — открыт и доброжелателен. Да, он был дисциплинирован и ответствен, не отказывался ни от каких поручений, постоянно и довольно энергично выступал на партсобраниях. Но ведь в руководстве завода не могли не знать, что он — сын Чан Кайши.

Конечно, знали, ибо целых четыре года (до ноября 1936 года) его никак не переводили из кандидатов в члены ВКП(б). Но именно к этому времени, когда Гоминьдан и КПК объединились для совместной борьбы с Японией, отношение СССР к Чан Кайши заметно потеплело.

В декабре, рассмотрев заявление Николая Елизарова, где хотя он и указывает, что его отец Чан Кайши «является изменником и предателем великой китайской революции», собрание партийной организации газеты принимает энергичного молодого человека в партию, а районное бюро ВКП(б) утверждает это решение.

И вроде бы все у китайского коммуниста начинает складываться. У него хорошая семья. Любимая жена Фаина Ипатьевна Вахрева, «комсомолка, спортсменка и просто красавица», работает тут же — токарем на «Уралмаше», подрастает сын Эрик. И вдруг (как гром среди ясного неба) решением почему-то именно того районного партийного бюро, что два месяца назад утверждало его принятие в партию, Николая Елизарова снимают с работы. Причем с формулировкой «за допущение публикаций, несправедливо обвиняющих отдельных инженерно-технических работников в грехах, которых они не совершали». И это в 1937 году — самом разгаре «кадровых чисток», когда журналистов наказывали совсем наоборот — за излишнюю мягкотелость. Его «зачистили», конечно же, по другой причине: просто те его товарищи, что давали ему рекомендации при вступлении в партию (секретарь райкома Лев Авербах и инженер «Уралмаша» Ефим Цейтлин, сосланные на Урал «за приверженность к троцкизму»), уже попали под каток сталинских репрессий.

...А вот дальше события разворачиваются почти по детективному сюжету. По логике действий карательных органов в те годы Цзян Цзинго должны были неминуемо арестовать. За ним уже следили, и казалось, что арест был делом времени. Но проис-

ходит странное: опальный Цзян вместе с женой и сыном вдруг бесследно исчезают. Да так, что вездесущие органы их якобы никак не могут найти. Не могут якобы и предположить, что беглая семья может оказаться в Москве и обратиться в китайское посольство, в котором уже несколько дней лежит телеграмма от Чан Кайши с просьбой помочь вернуть ему его «блудного» сына на родину.

И однажды китайского посла разбудили ночью с сообщением, что какой-то человек, отказывающийся назвать свое имя, просит немедленной аудиенции. Это был Цзян Цзинго. Похоже, что молодой человек действительно скрывался от органов, потому что у него не оказалось ни паспорта, ни денег.

Посол внимательно выслушал гостя и, как впоследствии он рассказывал журналистам: «Я пообещал ему помочь и пригласил, несмотря на позднее время, чету на ужин... Он сказал, что женат на русской девушке, и женат по любви, а потому ему нужна виза и на нее... Фаина мне понравилась, хотя и показалась простушкой... а впрочем, через несколько лет в Шанхае она была грациозная леди».

А потом Цзян вместе с семьей отбыл поездом Москва—Пекин — открыто, ни от кого не прячась (он даже выходил в Свердловске на вокзал попрощаться с близкими друзьями).

...Цзян Цзинго появился в поле зрения исследователей его биографии, когда Чан Кайши со своим Гоминьданом был потеснен Мао Цзэдуном на Тайвань. Он не сразу становится по-настоящему правой рукой Чан Кайши. Только в 1972 году престарелый руководитель Тайваня дает отмашку на назначение сына главой правительства Китайской Республики. В 1975 году после смерти отца Цзян Цзинго становится председателем ЦК и ЦИК Гоминьдана, а в 1978 году — президентом Тайваня.

Но что всегда удивляло его современников, став главой, по сути, диктаторского режима, новоиспеченный «вождь» отнюдь не вознесся на «царственный олимп». Он просто шокировал западных журналистов своей открытостью и демократическим поведением, много ездил по стране, и частенько его можно было встретить в далеко не официальной обстановке в простенькой курточке и с бейсболкой на голове. Он вольно или невольно, глубоко разочаровавшись в культе личности Сталина, манеры поведения и стиль личной жизни все же копировал с нашего вождя.

С самых своих первых шагов политического администрирования Цзян Цзинго стал «белой вороной» в насквозь коррумпированной чиновничьей среде гоминьдановского Тайваня. Устроив однажды во время проведения в стране «финансовой реформы» массовое «кровопускание», он надолго отбил охоту несправедного обогащения у нечистых на руку высокопоставленных товарищей. Его личное отношение к бытоустройству было поразительным. Он, президент уважающей себя страны, не имел сколько-нибудь значительной собственности. Даже те дома, в которых он жил, были казенными. Всю свою зарплату отдавал жене (?!), а средства, выделяемые ему на представительские и иные личные расходы, раздавал обслуживающему персоналу.

И разве можно в такое поверить, но это факт, что после смерти Цзян Цзинго его семье не осталось никакого наследства. Вдова жила (если верить официальным источникам) лишь на пособие по случаю потери кормильца и на деньги, выделяемые время от времени из государственного фонда взаимопомощи. Она и не пыталась выглядеть «женой президента». Фаина, ставшая на родине мужа Цзян Фанлян, до конца жизни оставалась скромной домохозяйкой, всецело занятой заботой о детях и душевном комфорте супруга.

...Да, поняв пагубность культа личности мудрого товарища Сталина, Цзян Цзинго с самого начала своего президентства радикально поменял курс от монопольного единовластия, установленного отцом, к внедрению зачатков политического плюрализма

и законов рыночной модели экономики. Усвоив уроки русского социализма по повышению общественного благосостояния и устранению противоречий между богатством и бедностью, но веря в успешность капиталистического курса, он и пошел освоенным путем.

...За годы власти Цзян Цзинго страна, не имеющая природных ресурсов, импортирующая 90 % всех энергоносителей и располагающая только четвертью площадей, пригодных для сельского хозяйства, стала успешной и процветающей. В начале 90-х годов прошлого века ежегодный средний доход ее граждан составил свыше семи тысяч долларов. То есть в противовес сталинским пятилеткам, позволившим добиться результатов усилением репрессий, Цзян Цзинго установил экономический режим, который пресса окрестила «годами тайванского нэпа» и «тайваньским экономическим чудом».

...И все-таки каков урок извлек Цзян Цзинго, проведя несколько лет своей жизни в нашей стране? Думается, что серьезный. Однажды западные журналисты спросили президента: «Что вы считаете важным в вашей жизни?» И уже тяжелобольной и прикованный к инвалидному креслу человек резко ответил: «Искоренять коммунизм!» Вот вам и вся его сумма знаний, усвоенная им за годы пребывания в условиях сталинского режима.

Умер Цзян Цзинго в 1988 году на 78-м году жизни.

Строитель социализма «с китайским лицом»

...Искоренять коммунизм... например, как это сделали наши Горбачев с Ельциным? До основанья, а затем?..

Отец-основатель китайского «экономического чуда» Дэн Сяопин сказал по поводу действий наших реформаторов предельно прямо: «Горбачев — идиот», поскольку осуществил «модернизацию демократии». То есть со своими представлениями о «социализме с человеческим лицом» упустил главное — расплыл власть и позволил экономике стать неуправляемой. Ельцин вообще экономику пустил под откос.

А кто же был он — этот мудрый и не до конца понятый современниками Дэн Сяопин, который вывел Китай из болота экономической разрухи на холм, сияющий яркими красками благоденствия?

Он родился в 1904 году в довольно зажиточной семье. В 1919 году 15-летним подростком в составе группы из 80 китайских студентов был направлен во Францию. Как он там учился и каковы были его учебные успехи — про то историки практически ничего не знают. Известно лишь, что молодой Дэн ничего не окончил, а, испытывая материальные трудности, постоянно подрабатывал: то землекопом, то слесарем, то официантом, а то и вовсе — пожарным. Какая там была учеба, если увлекшегося коммунистическими идеями подростка взрослые дяди-коммунисты постоянно загружают общественными поручениями. В 1921 году он становится одним из лидеров европейского отделения Коммунистической партии Китая. И неудивительно, что «вечного студента» за его политическую неблагонадежность французские власти в конце концов выпроваживают из страны.

И он едет, но почему-то не домой, где его, безусловно, ждали, а в советскую неповскую Москву. Едет продолжать так и не оконченную учебу и поступает в Университет трудящихся Востока (где в то же время учился и сын Чан Кайши). Он получает студенческий билет на имя Ивана Сергеевича Дозорова и (не в пример Франции) ставится на полное материальное обеспечение.

Вот где будущий политик получает пуск еще не совсем ему понятное представление о разнице между капитализмом и нарождающимся социализмом. Контраст с Европой, что и говорить, колоссален. Нэповская Москва, испытывая подъем экономики, открывала новые магазины, рестораны, кафе. «У нас никогда не было недостатка

в курах, утках, рыбе, мясе, — вспоминал один из одноклассников Дэн Сяопина, — на завтрак нам давали яйца, хлеб с маслом, молоко, колбасу, чай, а иногда даже икру».

Именно тот «бухаринский социализм» и ляжет в будущем в основу «китайского чуда» Дэн Сяопина, однажды сказавшего, что, «получив в России коммунистическое крещение, я полностью коммунизировал свои идеи и поступки».

...Вернулся он на родину в 1927 году уже вполне политически и нравственно созревшим молодым революционером. И, естественно, сразу же включился в гражданскую войну на стороне революционной Красной армии, которую возглавлял Мао Цзэдун. Нет смысла перечислять все военные должности молодого и энергичного юноши, ясно, что он был в самой гуще событий, участвуя в противостоянии и с Гоминьданом, и японскими захватчиками.

В 1949 году, когда китайские коммунисты окончательно победили, Дэн Сяопин достигает самых крупных вершин в политической иерархии страны: он (не без поддержки давнего «французского» друга Чжоу Эньлая) назначается заместителем председателя Госсовета. А в мае 1954-го его избирают генеральным секретарем ЦК КПК. Здесь следует заметить, что в отличие от нашей страны Коммунистической партией руководил вовсе не генсек, а председатель, каковым с 1943-го по 1976 год бессменно был Мао Цзэдун.

В 1956 году Чжоу Эньлай и Дэн Сяопин, полностью поддержавшие критику новым лидером СССР Н. Хрущевым культа личности Сталина, решили предложить Мао Цзэдуну пойти на аналогичные политические реформы (а ведь эти умудренные жизненным опытом друзья-товарищи были отнюдь не глупцами). Удивительно, но сначала властолюбивый «Великий кормчий» милостиво пошел на некоторую демократизацию общественной жизни. Более того, в 1957 году он разрешил провести в стране дискуссию на эту тему (предварив нашу российскую так называемую «гласность»). Но услышав в свой адрес ужасающую правду, тут же все эти дискуссии закрыл, развернув взамен них массовые репрессии.

...Как Дэн Сяопину удалось пережить те времена — большая загадка. Уже через год на Китай обрушился «большой скачок» («три года упорного труда и сто лет счастья»), результатом которого случился страшный голод, унесший, по самым скромным оценкам, 30 млн жизней. А в 1966 году Мао Цзэдун выдвинул новый лозунг: «Огонь по штабам!», объявив «великую пролетарскую культурную революцию», в ходе которой Дэн Сяопин вместе с семьей был отправлен в глухую провинцию, где он до 1973 года работал рядовым работником на тракторном заводе.

Дальнейший ход событий — вполне в духе тогдашнего Китая. Вначале Дэн Сяопина вдруг из небытия возвращают в Пекин, назначив вместо заболевшего Чжоу Эньлая вице-премьером (!), но в 1976 году возглавляемая женой «Великого кормчего» радикальная левая фракция КПК отправляет его за решетку. И только после смерти Мао Цзэдуна и ареста левой фракции Дэн Сяопин снова возвращается во власть.

...Его возвращение оказалось своевременным. Его ждали, в него верили. В конце 1977 года у Дэн Сяопина уже достаточно власти, чтобы на пленуме ЦК КПК добиться приема программного документа, осудившего «культурную революцию» и запускающего экономические реформы.

Но мудрый Дэн Сяопин не сразу обозначил схему своих планов. «Переходя реку, ошупываем камни», — как-то сказал он. И главным в его реформах было то, что он с самого начала назвал приоритетными инициативы снизу. Многие методы эффективного хозяйствования были разработаны и реализованы провинциальными руководителями. И только после их очевидного успеха они становились примером для крупных регионов, а то и всей страны.

В сельском хозяйстве, которое после «культурной революции» было практически разрушено, начали с того, что с коммун перешли на подворный подряд, позволявший каждой семье работать прежде всего на себя.

В промышленности директорам предприятий предоставили полную свободу в принятии производственных решений. И главное — успешные заводы и фабрики начали поощряться (и довольно существенно) государством материально. Уже с самого начала реформ было разрешено уйти в частный сектор (это при социалистических-то принципах хозяйствования) всей легкой промышленности, которая сейчас одевает и обувает половину человечества.

Но коренной перелом в реализации реформ произошел после того, как Дэн Сяопин разрешил переводить в собственность крупные промышленные предприятия, рудники, нефтяные месторождения. «Рынок — это не капитализм, а плановая экономика — не социализм», — сказал как-то он однажды. В страну тут же хлынул поток иностранных инвестиций, начали приходить высокие технологии.

В 1980 году весь южный берег Китая был поделен на четыре специальные экономические зоны, в которых инвесторы имели значительные льготы. Произошли существенные изменения в структуре инвестиционных потоков. Сначала финансы поступали в трудоемкие отрасли, где преобладал неквалифицированный труд. Китайцы работали там за небольшую плату, принося инвесторам огромную прибыль. Потом инвестиции пошли в такие перспективные отрасли, как телекоммуникация, IT-технологии, машино- и автомобилестроение, химическая промышленность. Фирмы из США, Японии, Западной Европы не просто вкладывали деньги в открытие и расширение китайского производства, но и создавали в Китае собственные филиалы.

Так Китай стал постепенно наращивать темпы экспорта товаров за границу. А количество фирм, работающих на производстве экспортируемых товаров, на сегодняшний день составляет несколько миллионов. Экономика росла при этом с немислимой скоростью — до 15 % в год (!). И реформаторам приходилось даже ее чуть притормаживать, чтобы не допустить «перегрева».

Вот для наглядности основные показатели «китайского чуда»:

- непрерывный рост экономики, которая с 1978 года увеличилась в 90 раз;
- обгон по развитию Германии, Японии и США;
- во многие страны мира возросли потоки недорогих и дешевых товаров, на которых написано «сделано в Китае» (именно эта статья экспорта в условиях недавнего кризиса выдержала конкуренцию на мировом рынке);
- ежегодно ВВП страны растет на 8–9 %, а спрос потребителей товаров растет на 18 %, что позволяет каждой семье откладывать четверть своих доходов;
- практически все регионы страны отличаются высокой экономической развитостью, имея собственную специализацию, особенности производства и рынка. Наиболее развитым считается восток страны;
- в КНР разведаны и разрабатываются самые большие запасы золота в мире;
- китайская национальная валюта юань имеет все шансы стать резервной мировой валютой.

Дэн Сяопин ушел из жизни 19 февраля 1997 года в возрасте 92 лет.

Тупиковые смыслы демократии (вместо послесловия)

И все же почему при разных идеологических воззрениях на развитие экономики оба китайских политика Цзян Цзинго и Дэн Сяопин добились успешных результатов? Да потому, наверное, что оба они, в молодом возрасте окупившись в реалии со-

ветского нарождающегося социализма, сумели сделать для себя правильные выводы. Цзян Цзинго, едва не угодивший под жернова сталинских репрессий, твердо уверовал в непригодность «палочного» стиля управления экономикой. А Дэн Сяопин, пораженный привлекательностью «бухаринского нэпа», сумел творчески развить его на китайской специфической почве.

Вот так и вышло, что эксперименты социалистического хозяйствования, которые нас то и дело заводили в тупик, для Китая оказались очень даже неплохим учебным пособием.

...Как-то недавно в телепередаче «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым» один из наших известных политологов высказал мысль, что, мол, те страны успешнее других, где, как говорится, демократией и не пахнет.

США и все продвинутые страны Запада, на всех углах и перекрестках ругающие нас за какие-то нарушения демократии, совершенно игнорируют соблюдение демократических норм у себя. И дело ведь не только в шоуподобных выборах властей и парламентов. Весь организм политического устройства этих стран, включающий в себя исполнительную, законодательную и судебную системы, а также медийно-общественное сопровождение, устроен таким образом, что от истинного волеизъявления народа ничего не зависит.

Почему Дэн Сяопин считал нашего Горбачева идиотом? Да потому, что именно с его «плюрализма» и фактического слома «вертикали власти» и начался обвал государственности. В истории России было два идиота — Николай II и наш последний генсек (о Ельцине разговор особый). И оба раза цена этого идиотства была катастрофически чудовищна.

...А ведь и для Дэн Сяопина была устроена однажды (не без вмешательства западных спецслужб) «проверка на вшивость» его взглядов на демократию. Вдохновленные политической либерализацией в СССР, китайские студенты и представители интеллигенции вдруг как-то подозрительно дружно возжелали свободы политической системы и многопартийности. Подстрекаемые неведомыми провокаторами, тысячи протестующих вышли на площадь Тянтаньмынь. Теперь-то мы знаем, кто стоял за этими в основной своей массе искренне озабоченными свободолюбивыми идеями людьми. Но что было делать властям? Они, как известно, не стали играть в демократию, а приняли необычно жесткое решение: по личному приказу Дэн Сяопина по митингующим был открыт плотный прицельный огонь. Да такой, что трупы потом сгребали бульдозерами. И что? Дичайшее средневековье как-то пошатнуло авторитет китайского лидера? Наверное, не нам судить... Восток, как говорится, — дело тонкое. Зато цветная революция (естественно, с демократическими лозунгами) была успешно предотвращена.

...А мы-то когда отучимся постоянно оправдываться перед лицемерным Западом на его каждый «чих» по поводу якобы имеющих у нас случаев нарушения демократии?